

Вырезка из газеты

ДНЕПРОВСКАЯ ПРАВДА

г. Днепропетровск

з. 2108

АПР 1981

В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ ПРОРОК?

Театр

— Это же враг народа! какой-то специально, чтобы развратить наших детей бездельем, а всю нашу прошлую жизнь очернить, мог такое придумать: «Мы плохо жили, так пусть хоть дети...»

Зал взрывается аплодисментами: он согласен. Согласны бойкие студенты горнорудного института, согласны милосердные сестрички из третьей городской больницы и серьезные ребята в форме училища гражданской авиации — сегодня они в зале русского музыкально-драматического театра имени Т. Г. Шевченко в Кривом Роге.

Существует он без малого пятьдесят лет. Как и во всякой жизни, у него были взлеты и спады.

А нужен ли вообще театр городу рабочему? Ведь главной своей проблемой театр Кривбасса и сегодня называет проблему зрителя.

Разговоры о «трудном» криворожском зрителе, что и говорить, ведутся не зря. Далеко не каждый горожанин может похвалиться тем, что он хотя бы раз посетил театр. Но спросите любого, и вам скажут, что театр нужен. И не только для того, чтобы можно было гордиться: у нас есть театр. Все, и справедливо, считают театр душой культурной, духовной жизни, а без души разве можно жить?

Без участия театра на Криворожье не бывает ни одного городского праздника, ни одного торжественного события, ни одного концерта. Театр сам идет к зрителю: в Тернах и на Ингулецком горно-обогатительном комбинате работают постоянные его филиалы, часто артисты выступают прямо в заводских цехах, на стройплощадках. Кривбасс «благодарен» театру за его «шаги навстречу».

Наверняка немногим театрам в нашей стране живется так нескучно в смысле материальном. Во-первых, всеми предприятиями Криворожья театр располагает, как и своими цехами: не было еще случая, чтобы ему отказали в матери-

алах ли, в изготовлении ли какого-то вспомогательного оборудования, а то и просто материально. Причем, выделяя для театра деньги, предприятия иногда напоминают бесконечно любящую маму, дающую на конфеты тайком от папы. На одном из перечисливших в прошлом году театру двенадцать тысяч предприятий мне сказали: «Т-с-с. Только никому не говорите, а то будет нам на орехи». А почему, собственно, нельзя? Если есть возможность «хитрым» способом, то почему не дать на доброе дело открыто? Ведь не Минчермет отдаст свои денежки Министерству культуры, а одно из звеньев государства, исходя из своих возможностей, заботится о семистах тысячах граждан. Деньги, как видим, все равно перечислены, но при помощи «обходного маневра», «коммерческого умения» — прием, которые вряд ли следует приветствовать.

По-настоящему партийно подходят к театру Криворожский горком партии и горисполком. Именно отсюда в городе распространяется взгляд на театр как на самое необходимое, именно отсюда не только организовывается материальная помощь театру и моральная поддержка его поисков, но и воспитание и организация зрителя. Каждая театральная премьера — событие в жизни города. А на будни составлен железный график посещения театра. Не отдает ли это «добром насильно»? Отнюдь. Если за несколько дней до этого события на предприятии объявляют: «Мы идем в театр!» — и часть билетов выдают как награду, разве похоже это на «добро насильно»? Многие посетившие театр как раз так, «по графику», благодарны за предоставленную возможность совершить открытие.

Давным-давно было сказано: «Мы ценим тех поэтов, которые ищут, но предпочитаем тех, которые находят». В «неаттракциональном» Кривом Роге еще и еще раз убеждаешься, что зритель всегда оценит поиск,

но одобрит только по-настоящему удавшуюся работу. Так что проблема зрителя сегодня — это, по сути, проблема качества спектакля. Можно согласиться или не согласиться с тем, что герои в спектакле по пьесе А. Коломийца «Дикий Ангел» выходят на сцену из зрительного зала (прием, откровенно говоря, довольно-таки простенький и совсем не новый), но здесь чувствуются хоть какой-то режиссерский поиск. А вот «Вызовы» Г. Маркова и Э. Шима, к сожалению, словно никто и не смотрел со стороны. Комиссией спектакль принят, правда, со второй попытки. Но как дважды два ясно, почему не идет на него зритель. Он ни за что не поверит, что и таежный охотник Лисицын, и профессор Великанов, и комсомольский секретарь Титаренко, и профессорская дочка Софья такие одинаковые люди. А ведь всех этих героев актеры рисуют совершенно одинаковыми красками: волнение, возмущение, радость и гнев — криком, раздумье, печаль, горе, «благородную сдержанность» — какой-то совершенно деревянной пластикой. Так и кажется, что, открывавшись, каждый только и мечтает о том, как бы бочком-бочком — да со сцены. Ни за что не поверит зритель, что эта размалеванная и низгливая дамочка — толковый и деловой, а потому реально опасный для Синего озера инженер, что этот мечущийся, издерганный человек — секретарь обкома, а согбенный, еле передвигавший ноги герой артиста А. Дудки Алексей Краюхин и есть «соль земли».

Никто и никогда не отнимет у художника права на собственную трактовку героя, а А. Дудка считает Краюхина именно таким — «с перебитым жизненным хребтом». В «Вызове» в отличие от романа некоего противопоставить умному и тонкому нагодая Бенедиктину. Спектакль кажется оркестром, где все инструменты звучат фальшиво. Так где же дирижер, то есть в данном случае режиссер?

Так что когда зритель «не идет», хороши, конечно, организационные мероприятия, хорошо, что художник сам идет к зрителю. Но не необходимо ли на этом пути оглядеться и подумать: а с чем ты идешь в «пророки»?

Очень правильный это обычай — присесть и сосредоточиться перед дорогой. А думать и быть честным перед собой и спутниками надо и на всем пути.

Л. ОРЛОВА.